

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

На правах рукописи

Чуйкина Софья Александровна

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ДВОРЯН В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ЛЕНИНГРАД 1920-1930-х ГОДОВ

Специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и социальные процессы

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Санкт-Петербург
2000

Работа выполнена в Европейском Университете в Санкт-Петербурге

Научные руководители – доктор философских наук
ФИРСОВ Борис Максимович
кандидат биологических наук
АЛЕКСАНДРОВ Даниил Александрович,

Официальные оппоненты – доктор социологических наук
РАДАЕВ Вадим Валерьевич
кандидат философских наук
ГОЛОФАСТ Валерий Борисович

Ведущая организация – Санкт-Петербургский государственный университет.

Защита диссертации состоится 30 марта 2000 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета в Санкт-Петербургском филиале института социологии РАН по адресу: 198005 Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская д. 25/15, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Санкт-Петербургского филиала Института Социологии РАН.

Автореферат разослан “ _____ ” _____ 2000 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

Бурмыкина О.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Экономические и политические преобразования в России и их социальные последствия сделали проблему изменения социальной структуры общества одной из самых обсуждаемых – как среди социологов, историков и экономистов, так и среди широких слоев населения. Исследование различных аспектов этой проблемы является одним из приоритетных направлений отечественной социологии, и с этим связана актуальность поиска новых подходов к эмпирическому исследованию и концептуализации в этой области, а также сравнение нынешнего переходного периода с “великими трансформациями” советского времени.

Любой переходный период неизбежно влечет за собой возникновение новой системы социального неравенства. Повышение социального статуса одних и обнищание других нередко приводит к разрыву дружеских связей, распаду сообществ, исчезновению социальных групп, классов. Изменение социального статуса группы и потеря групповой идентичности являются болезненными процессами для общества и требуют научного осмысления. В работах российских социологов (Т.И.Заславская, В.В.Радаев, О.И.Шкаратан и др.) фиксируются начальные и конечные стадии исчезновения некоторых социальных групп в процессе преобразований, тогда как сам ход их “растворения”, механизмы и стадии этого процесса, реальные практики и самоощущения представителей этих групп практически не рассматриваются. Отчасти это можно объяснить тем, что процесс трансформации социальной структуры советского общества в настоящее время еще не завершен - переходный период продолжается, и макро-условия продолжают изменяться под влиянием экономических и политических кризисов.

В связи с этим представляется актуальным анализ аналогичных процессов с позиции исторической дистанции, исследование трансформации, которая уже завершена. Широкие возможности для исследования представляет жизнь советского общества в послереволюционное двадцатилетие. Этот период советской истории дает в руки исследователя богатый эмпирический материал, социологический анализ которого может помочь в выработке концепций, объясняющих логику и механизмы процесса преобразований в прошлом и настоящем.

Формально дореволюционные сословия, классы и многие статусные группы перестали существовать после 1917 года, так как исчезли юридические и институциональные основания для их воспроизводства, но люди, социализованные при старом режиме, их способы жизни и идентичности продолжали жить. Для того, чтобы они “растворились” в советском обществе, необходим был длительный и сложный процесс преобразования привычек, навыков, идентичности, приоритетов и ценностей. В диссертации предпринята попытка прочертить жизненные траектории дворян в условиях

послереволюционного советского общества, приведшие дворянство к фактическому “растворению” в глубинах советского социума, утрате всех ранее существовавших атрибутивных характеристик социального положения (на макро-уровне), адаптации к нормативным и ценностным требованиям советского образа жизни, и, как следствие, появлению новой идентичности (на уровне индивидуальных представлений и поведения). Обращение к этой теме позволяет описать механизмы профессиональной интеграции и социальной адаптации социальной группы в условиях экономической трансформации и политической дискриминации, показать различия в процессах конструирования идентичности у социально успешных и у неприспособленных и влияние этих процессов на частную жизнь и дружеское общение.

Актуальность исследования определена, таким образом, с одной стороны, необходимостью концептуализации процесса исчезновения классов, социальных сред и групп в период трансформации, и, с другой стороны, необходимостью всестороннего изучения социальной структуры 1920-х – 1930-х годов. *Проблема исследования* заключается в следующем: в современной литературе отсутствует социологический анализ процесса трансформации и интеграции бывших дворян в советское общество на уровне повседневной жизни. Нам известны только стартовые условия их вхождения в советское общество, тогда как этапы их жизненных траекторий ранее не исследовались.

Степень разработанности проблемы. Социальная структура и стратификация российского общества в 1920-е – 1930-е годы является объектом внимания многих отечественных и зарубежных историков и социологов. В работах В.И. Ильина, В.В. Радаева, О.И. Шкаратана анализируется складывающаяся в СССР в эти годы специфически советская система неравенства, политические и экономические механизмы функционирования этой системы. В работах П.А. Сорокина, Д. Берто (D. Bertaux), Е.А. Фотеевой, Ш. Фитцпатрик (S. Fitzpatrick) рассматривается социальная мобильность в послереволюционные годы. Работы Б. Фарнсворт (B. Farnsworth), Р. Стайтса (R. Stites), В. Гольдман (W. Goldman), Э. Уотерс (E. Waters) концентрируются на гендерном измерении социального неравенства в 1920 – 1930-е годы. В книгах Н.Б. Лебиной, Е.А. Осокиной, К. Бейлза (K. Bailes), С. Шаттенберг (S. Schattenberg), Ш. Фитцпатрик (S. Fitzpatrick) и других авторов описывается повседневная жизнь (работа, быт, потребление) различных социальных групп, что позволяет составить представление о положении этих групп в социальной структуре общества в целом.

Научных работ, в которых рассматриваются жизненные стратегии дворянства в послереволюционные годы, немного. Наиболее изучены способы выживания помещичьих дворян в период с 1917 по 1926 год. В публикациях Дж. Ченнона (J. Channon) описываются

манипуляции бывших помещиков по сокрытию своего происхождения, их взаимоотношения с властями. Работы Ченнона показывают, что не только класс сельскохозяйственных предпринимателей прекратил свое существование, но большинство бывших землевладельцев вынуждены были после 1926 года переехать из сельской местности в города. Поэтому в диссертации основной акцент сделан на исследовании жизни бывших дворян в *советском городе*.

Из публикаций социологов, где рассматриваются некоторые аспекты жизни дворянства в советском городе (на примере Москвы) в 1920-е – 1930-е годы можно назвать лишь две статьи – Д. Берто “Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации” и Е. Фотеевой “Социальная адаптация после 1917 года. Жизненный опыт состоятельных семей”, опубликованные в сборнике статей “Судьбы людей...” (1996). В этих статьях в основном рассматривается проблема социальной мобильности представителей бывших привилегированных слоев в послереволюционные годы.

Для понимания *контекста* повседневной жизни дворянства в советском городе важны работы американского историка Г.Алексопулос (G. Alexopoulos), посвященные лишенным избирательных прав (“лишенцам”) и их тактикам сопротивления дискриминации. Эти работы помогают сравнить дворян с другими дискриминируемыми социальными группами в рассматриваемый период. Многочисленные публикации советского периода, где отчасти затрагивается судьба дворянства в ряду с другими ликвидированными “эксплуаторскими классами” (Г.Е.Глезерман, В.М.Селунская, И.Я.Трифонов и др.), представляют взгляд на послереволюционную политику дискриминации “через очки” советской идеологии, но, по сравнению с современными работами историков на эти темы, они мало помогают исследованию. Критический анализ этих работ и современное историческое исследование “политики ликвидации эксплуататорских классов” содержится в статьях и диссертации московского историка Т.М.Смирновой.

Для понимания контекста жизни дворян в Ленинграде важны публикации В.А. Иванова, основанные на материалах архивов и посвященные репрессиям в отношении дворянских семей в Ленинграде. Первая попытка интерпретации интервью и историй семей из частных архивов жителей С.- Петербурга была предпринята петербургскими социологами В.Б.Голофастом и Т.З.Протасенко. Они выдвинули гипотезу о том, что только в первые послереволюционные годы жизнь бывших дворян отличалась от жизни других слоев населения, тогда как в дальнейшем, начиная с послевоенных лет, никакого своеобразия “советской дворянской судьбы” не прослеживается.

Важными для данного исследования являются также работы о жизни дворянства в конце XIX – начале XX века, особенно о социальной и культурной истории старой элиты. Они позволяют исследовать преемственность и изменение форм жизни бывших дворян в 1920-е – 1930-е годы по сравнению с предыдущими периодами. Из работ отечественных авторов классическим является труд Ю.М. Лотмана, посвященный описанию жизни и быта русского дворянства в XVIII – XIX столетиях. Интересный анализ структуры дворянской семьи, дворянских норм и традиций содержится в работах американского историка Дж. Товров (J.Tovrov). Среди работ, где анализируются бытовые установки и идентичность дворянства и в XIX, и в начале XX века, наиболее важны книги О.В. Муравьевой о воспитании дворянства, Т.П. Каждан и П. Рузвельт (P.Roosevelt) о культурной и социальной жизни и быте в дворянских усадьбах, А.Б. Уахтеля (A.B. Wachtel) о конструировании дворянской идентичности в автобиографиях. О стратификации элиты в целом и, в частности, дворянского сословия на рубеже веков наиболее значимы работы А.М. Анфимова, А.П. Корелина, Б.Н. Миронова, С.Бекера (S.Becker), А.Рибера (A.Rieber). Много работ отечественных и зарубежных авторов посвящено дворянству как субъекту политики на рубеже веков (А.Я.Аврех, В.С. Дякин, Ю.Б. Соловьев, G.Hamburg, R.T.Manning).

Также важна литература, позволяющая сравнить жизненные ситуации русских дворян, оставшихся после революции в России, с их соотечественниками в эмиграции. Социально-антропологическое исследование русской белоэмигрантской общины в Ницце представлено в работах К. Кауринкоски (K.Kaurinkoski). Сравнение ситуаций “советских” и западноевропейских дворян после отмены сословий и сословных привилегий позволяют сделать статьи и книги французских социологов (М. de Saint-Martin, Е.Мansion-Rigau, С. Grange и других) о французском дворянстве в XX веке.

Методологические и теоретические основания исследования проблемы.

Традиционные определения дворянства как “сословия” или как “класса” не дают возможности реализовать замысел данной работы. Концепция “пространства дворянства”, предложенная для исследования европейского дворянства в XX веке французским социологом М. де Сен-Мартэн (M.de Saint-Martin), неприменима к российской реальности.

Для данного исследования стержневой является концепция *фигурации* немецкого социолога Н.Элиаса (N.Elias). Под *фигурацией* Элиас понимает группу взаимозависимых людей, являющихся участниками некоторой “социальной игры”, действующих по определенным правилам, соответствующим их социальной позиции, статусу в этой “игре”. Рассмотрение дворянства как *фигурации* дает возможность исследовать дворянство как

элемент социальной структуры и до-, и послереволюционного общества через способы социального взаимодействия.

Кроме того, в работе использовались теоретические подходы, объясняющие принятие решений людьми, чья жизнь резко изменилась к худшему под влиянием внешних факторов (А. Hirschman, G. Vajait), а также концепция конвертации капиталов (Р. Bourdieu) и концепция символических границ (А. Cohen, M. Lamont).

Методы сбора социологической информации, использовавшиеся в диссертационном исследовании, включали нарративное биографическое интервью и анализ личных документов, официальных документов и прессы. При анализе материалов автобиографические повествования рассматривались как нарративы *о практиках*, и предметом анализа были именно – и в первую очередь – сами действия и практические решения, а не их обоснования. При анализе материала обращалось внимание прежде всего на то, что *делали* герои повествований, а не на то, что они думали или думают.

Эмпирическую базу диссертации составили рукописи, собранные в личных архивах (истории семей и автобиографии), опубликованные мемуары и письма, 12 нарративных интервью с жителями Петербурга, родившимися в дворянских семьях с 1906 по 1918 год. Интервью проводились в течение нескольких визитов; в ходе бесед записывались истории расширенных семей и жизненные пути информантов.

Объектом исследования являются представители дворянских семей, имевшие до революции сословный статус “потомственный дворянин/дворянка”, проживавшие в Ленинграде в период с 1917 по 1941 год; как коренные жители, так и мигранты, приехавшие в город в этот период времени. Была разработана типология по социальному статусу для представителей этой социальной группы, обеспечившая дифференцированный подход к анализу материала.

Предметом исследования являются преобразование и изменения способов социального взаимодействия бывших дворян в советском обществе 1920-х – 1930-х годов в публичной и частной сферах.

Цель исследования - изучение механизмов и этапов *дефигурации* дворянства в советском обществе и концептуализация процесса “растворения” элементов социальной структуры в переходный период на основе данного исследования. Для изучения процесса дефигурации дворянства были поставлены следующие **задачи**: 1) определить дворянство как социально-структурную категорию в период с начала века до конца 1930-х годов, 2) исследовать возможности дворян на советском рынке труда, определяемые с одной стороны, политикой государства, с другой стороны, навыками дворян, которые они могли превратить в оплачиваемое профессиональное знание 3) исследовать определения *своих* и

чужих в дворянских кругах в 1920-е – 1930-е годы по сравнению с 1910-ми годами и изменение форм общения.

Научная новизна работы состоит в актуальности эмпирических, теоретических и методологических задач исследования. Впервые изучена с социологической точки зрения повседневная жизнь бывших дворян в советском обществе 1920-х – 1930-х годов. Предлагается теоретическая модель процесса дефигурации – насильственного изменения “правил игры” дворянского сословия. С целью эмпирической проверки модели собран массив данных о повседневной жизни дворян. Проведена серия глубинных биографических интервью по специально разработанной методике. Опробован новый для российской социологии способ анализа автобиографических повествований. Предложенный методологический подход к исследованию социальной структуры переходного периода может быть применен для изучения современного общества.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертационной работы:

1. Социально-структурная категория “дворян” существовала в советском обществе в период между Октябрьской революцией и второй мировой войной, а в дальнейшем исчезла из официального дискурса и повседневной жизни.
2. Исчезновение элементов социальной структуры в процессе социальных преобразований имеет определенные механизмы и стадии. Данный процесс включает в себя изменения в публичной и частной сфере жизни людей и происходит в результате *конвертации навыков и изменения символических границ сообществ*.
3. В идеально-типической ситуации ухудшения условий жизни, происходящих в результате радикальных политических и экономических преобразований, возможно четыре типа взаимоотношений с государством людей, пострадавших от кризиса: самоустранение от ситуации (“уход”), активная попытка влиять на ситуацию изнутри (“протест”), смирение с ситуацией и принятие ее “как есть” (“лояльность”), приспособление к ситуации и смирение с ней при ее неприятии или непонимании (“апатия”). Для представителей дискриминируемых социальных групп в 1920-е – 1930-е годы наиболее характерным типом реакции на экономические и политические трансформации являлась *апатия*. Это сказывалось и на их профессиональном выборе, и на конструировании социальных идентичностей.
4. В 1920-е – 1930-е годы в ситуациях экономического кризиса, исчезновения прежних каналов социальной мобильности, появления новых профессиональных сфер наибольшие

возможности для успешной адаптации имели те, кто до периода преобразований обладал максимальным количеством навыков, которые можно было в изменившейся ситуации быстро превратить в профессиональное умение, то есть те, кто владел опытом работы и любительской деятельности в различных сферах. Узкие специалисты, инвестировавшие все силы и время в карьеру в одной профессии и в одном учреждении, являлись в послереволюционный переходный период “группой риска”.

5. Когда в период преобразований исчезают формально закрепленные границы между социальными группами и изменяется структурная позиция и статус социальных групп, большое значение для определения *своих* и *чужих* и поддержания социальной дистанции приобретают *символические границы*. Изменение символических границ, которое происходит в результате расслоения в доходах и потреблении и появления новых культурных кодов, по которым узнаются *свои* и *чужие*, играет значимую роль в процессе исчезновения прежних сообществ и их групповой идентичности и возникновения новых сообществ.

6. Под влиянием политических и экономических преобразований общества в 1920 – 1930-е годы исчезли старые и появились новые символические границы, разделявшие городской образованный слой на различные сообщества. К концу 1930-х годов образованный слой разделился на “старую интеллигенцию” и “новую интеллигенцию”.

Научная и практическая значимость диссертации определяется теми возможностями, которые открывает для дальнейших исследований предложенный методологический подход к изучению общества переходного периода, а также тем, что собранный и систематизированный материал может использоваться при разработке учебных курсов по истории и социологии советского общества.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в опубликованных научных статьях автора и выступлениях на российских и международных научных семинарах и конференциях (“Проблема социальных изменений в фокусе теории практик”, Ярославль, Методологический университет, 1997; “Семья поместных дворян в до-послереволюционной России”, Рэнвалл-Институт, Хельсинки, 1998; “Дворяне на советском рынке труда”, Университет Тюбингена, Германия, 1999 и др.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав с изложением результатов исследования, заключения, списка источников и библиографии (137 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи, излагаются теоретико-методологические основания исследования и обозначается его эмпирическая база.

В **первой главе** - “*Дворянство в советском городе: определение объекта исследования*” - описываются статусные символы дворянства в 1910-е годы и в 1920-е – 1930-е годы. Проанализированы макро-условия формирования статусной группы в послереволюционный период (место дворянства в стратификационной системе советского общества и имидж дворян в советской прессе) и процессы на микро-уровне, способствовавшие воспроизводству дворянства. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе “Дворянство: взгляд изнутри” дан обзор работ исследователей о дворянстве на рубеже XIX-XX веков. Авторы (О.Муравьева, J.Tovrov, A.Wachtel и др.) формулируют тезис о том, что не формальные основания принадлежности к дворянскому сословию, а соответствующее дворянскому статусу *поведение* было наиболее важно для признания в кругу “своих”. По работам авторов выделено несколько наиболее значимых элементов приобретения дворянского статуса: владение навыками самопрезентации в обществе, полученными в ходе домашнего воспитания, и построение автобиографии, обязательно включавшей рассказ о детстве, построенный по определенному образцу, а также знание истории рода. В 1920-е – 1930-е годы формируется новая модель дворянского воспитания и способа рассказа о себе. Таким образом, проявляется межпоколенный разрыв между дворянами старших поколений, социализованными до революции и младшего поколения, чья вторичная социализация пришлась на послереволюционные годы.

Во втором параграфе “Дворянство: взгляд извне” рассматривается положение людей, обладавших статусом “бывших дворян”, в стратификационной системе советского общества довоенного периода и имидж, создаваемый для них в прессе.

Опираясь на модель социальной стратификации общества 1920-х – 1930-х годов, предложенную Ш.Фитцпатрик, можно утверждать, что до принятия новой Конституции в 1936 году дворянство официально являлось элементом социальной структуры советского общества, будучи частью негативно привилегированной статусной группы “бывших людей”.

Прослеживается имидж дворянства в ленинградской прессе, который менялся в соответствии с изменениями в государственной политике. На протяжении 1920-х – 1930-х дворянство было одной из одиозных категорий в советской политической и повседневной риторике. При этом в 1920-е годы в газетах создавалось два параллельных образа. Первый – сатирический, второй – образ правящего класса-соперника. В период первой пятилетки –

это образ подозрительного врага, “полезность” которого в партии и на рабочих местах необходимо было проверять. Публикации конца 1920-х – начала 1930-х и конца 1930-х годов это, в основном, статьи о процессе “чистки” советских учреждений от “бывших”.

В третьем параграфе “Попытки воспроизводства дореволюционных ритуалов в 1920-е – 1930-е годы: воспитание детей” на имеющемся эмпирическом материале рассматриваются предпринимаемые дворянами попытки воспроизводства дворянских ритуалов и элементов стиля жизни. Эти попытки воплощались в воспитании детей, в их ориентации на ценности старой интеллигенции, и, в то же время, на то, чтобы дать им необходимые для успешной карьеры социальные и профессиональные навыки. Ресурсом для этого было домашнее воспитание, в процессе которого дети обучались иностранным языкам, танцам или музыке. Также для них подбирался “приличный” круг общения, их старались изолировать от влияния улицы и советской школы.

В выводах подводятся итоги об особенностях объекта исследования. Сведение исследования “бывших людей” к исследованию дворян обосновано тем, что как до, так и после революции, дворяне представляли собой “чистейший образец” наследственной элиты (после революции - ”бывших”). В то же время, дворянство – единственная статусная группа внутри образованного слоя, которая, будучи сильно дифференцированной, все же обладала коллективной идентичностью, достаточно четким представлением о нормах поведения, правилах общения. Следовательно, из всех групп дореволюционного образованного слоя, “бывшее дворянство” дает исследователю наиболее богатый материал для изучения символического аспекта изменения социальной структуры и для исследования механизмов “растворения” статусной группы, потерявшей институциональные возможности воспроизводства.

Во второй главе - *“Дворянство на советском рынке труда”* - представлен анализ профессиональных траекторий дворян. Рассматривается ситуация на советском рынке труда, тактики дворян по преодолению барьеров в социальной мобильности, иерархия профессий в дворянских кругах и конвертация профессиональных ресурсов. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе “Реакция на кризисную ситуацию и профессиональный выбор” анализируется процесс принятия решений в кризисной ситуации, исследуются способы взаимоотношений дворян с государством и влияние этих взаимоотношений на профессиональный выбор.

Рассматривается концепция французского социолога Ги Бажуа (G.Vajoit), который предложил (на основе концепции А.Хиршмана (A.Hirschman)) классификацию реакций на кризисную ситуацию: *уход, протест, лояльность и апатия*. Данные типы поведения

представляют собой потенциальные возможности реакции в идеально-типической неудовлетворительной ситуации. В данном параграфе проведен анализ жизненных путей дворян в послереволюционные годы в рамках концепции Г.Бажуа и показана взаимосвязь выбора (рационально/нерационального), сделанного в первые годы после революции, и выстраиваемых в дальнейшем взаимоотношений с государством. Данные способы взаимоотношения с государством сказывались на выборе профессий и мест работы, на стремлении воспроизводить дворянские традиции, или, наоборот, полностью ассимилироваться и сделать карьеру при новом режиме.

Анализ материала позволил предположить, что в целом “апатичное” отношение к государству было более распространено в дворянских кругах. *Апатия* определяется как пассивное принятие ситуации контроля “сверху” при отсутствии протеста и при стремлении уменьшить насколько возможно кооперацию и взаимодействие с государством.

Во втором параграфе “Политика государства в отношении трудоустройства “бывших”” рассматриваются возможности устройства на работу и продвижения по службе для людей, имевших статус “бывших”; затем рассматриваются тактики дворян по преодолению дискриминации.

Взаимоотношения государства и дворян в отношении трудоустройства последних можно описать как неформальный контракт: были созданы многочисленные препятствия в профессиональной карьере людей из “бывших”, однако существовал обходной путь каждого такого “барьера”. Подобная политика способствовала тому, что сильнейшие, те, кто сумел преодолеть препятствия на пути к профессиональной самореализации, работали на советскую власть, остальные были удалены с рынка труда, а зачастую и из города.

“Бывшие” не только имели возможность, но и были обязаны работать в советских учреждениях. В период гражданской войны использование их как трудовых ресурсов считалось временной мерой, но позже, во время НЭПа, это получило иную интерпретацию: трудоустройство “бывших” обосновывается тем, что пролетарское государство достаточно сильно, чтобы принимать на работу тех, кто приносит пользу на рабочем месте, даже если она/он придерживается иных идейных воззрений. Эта концепция остается в силе до конца НЭПа. Лишь с 1929 - “года великого перелома” - ситуация постепенно начала изменяться, был взят курс на политику “разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лояльных специалистов”. Иными словами, официально в этот период политическая лояльность стала столь же важна, как квалификация; уровень политической лояльности должен был соответствовать занимаемой должности.

Устройство на работу/учебу в государственное учреждение и получение статуса “трудящегося” было единственным способом интеграции в общество, средством существенного облегчения проблем повседневной жизни. “Трудящиеся” имели льготы при оплате квартиры, при получении продовольственных пайков, при устройстве детей в образовательные учреждения. С 1918 по 1932 год основными документами, удостоверяющими личность, были трудовые книжки, которые заменяли паспорта. В них фиксировались профессиональные перемещения. Для тех, кто не работал на государственной службе, были созданы специальные трудовые книжки “для буржуазии”. Таким образом, негосударственных служащих выделяли в отдельную категорию, менее престижную в системе координат социалистического государства.

При этом на рынке труда были официально созданы различные препятствия в социальной мобильности. По материалам газет и интервью удалось выделить три основных способа притеснения бывших дворян на рынке труда: непризнание дореволюционных дипломов об образовании, полученных в закрытых учебных заведениях для дворян и дискриминация их обладателей, препятствия при поступлении в ВУЗ и “чистки”.

В дворянских кругах были “разработаны” различные тактики преодоления этих препятствий: 1) избавление от политически неблагонадежного социального происхождения с помощью подделки документов или приобретение статуса “пролетария” через работу на заводе, 2) использование всех возможных способов получения образования и дипломов, кроме учебы в ВУЗах, например, многие дворяне закончили государственные курсы, которые стали основным “трамплином” для людей “из бывших” на советских рынок труда. 3) с целью избежания процедур “чисток” на рабочих местах и в учебных заведениях использовался отъезд - в командировку, в отпуск.

В третьем параграфе “Профессиональные навыки дворянства. Конвертация ресурсов” рассматриваются профессиональные навыки, которые могли быть “проданы” дворянами на рынке труда.

Анализ биографий показывает, что в целом в период 1917-1941 гг. для людей обоих полов и всех возрастов характерна была интенсивная профессиональная мобильность, частая смена мест работы и, как минимум, одна радикальная смена профессии. Нередко переход в другую профессиональную сферу осуществлялся лишь на время, что не препятствовало в дальнейшем возвращению снова к прежней профессии. В случае потери имеющегося места работы поиск любого другого места был необходим для того, чтобы избежать попадания в категорию “буржуазии” (начало 1920-х) и “нетрудового элемента”

(середина 1920-х - 1930-е), которое сразу затрудняло финансовую и жилищную ситуацию, препятствовало образованию детей.

Освоение новых профессий было наиболее характерно для состоятельной части дворянства, аристократии, не имевшей постоянной работы до революции, а также для бывших помещиков, которые мигрировали в города и вынуждены были сменить сферу деятельности, и для женщин, большинство из которых не работали до революции в сфере оплачиваемого труда. Но даже для тех дворян, кто имел профессию, оплачиваемую работу, карьеру до революции, смена места работы и временная или постоянная смена профессии были характерны в связи с периодическими сокращениями, чистками и увольнениями.

Таким образом, профессиональная интеграция в советское общество дворянства – не история “деклассирования” или, наоборот, стремительного карьерного восхождения, а история многочисленных миграций между различными учреждениями и профессиональными сферами. Для того, чтобы не оказаться на “дне”, чтобы быть устойчивым на нестабильном и переменчивом рынке труда и в ситуации политической дискриминации, было необходимо обладать как можно более широким спектром различных навыков, которые можно было в случае необходимости “профессионализировать”, то есть конвертировать в оплачиваемое профессиональное знание.

В работе выделено три типа успешной конвертации непрофессиональных знаний дворянства в профессиональные ресурсы: 1) конвертация аристократического хобби, 2) конвертация ресурсов воспитания, 3) использование общего образования.

Данные типы конвертации ресурсов – аристократических хобби, ресурсов воспитания и общего образования - могли “использоваться” в 1920-1930е годы одним и тем же человеком, в сочетании со специальным (высшим, профессиональным) образованием на разных этапах биографии, в более или менее благополучные периоды профессиональной жизни.

В случае, когда попытки устроиться на работу по специальности были безуспешны и конвертация умений в профессиональные навыки также не удавалась, оставался один выход – работа на черном рынке: дома, частным образом, по найму у нэпманов или на случайных заработках. Люди, работавшие на черном рынке, не имели возможности избавиться от статуса “нетрудовых элементов” и от дискриминации, указав в анкетах в графе “социальное положение” свою профессию и место работы, и поэтому были вынуждены идентифицировать себя по дореволюционным занятиям.

В выводах ко второй главе утверждается, что на протяжении 1920-х - 1930-х годов бывшие дворяне были представлены во всех слоях общества - от высших до низших. Из

различных групп дворянства наибольший потенциал выживания имели потомки обедневших, но знатных дворянских семейств. До революции они получали образование, благодаря родительским связям, мужчины – в закрытых учебных заведениях или в университете, женщины - в институте благородных девиц и/или на курсах. Кроме этого, они зачастую имели опыт управления поместьем, следовательно, владели навыками сельскохозяйственного предпринимательства, садоводства и т.д. Также они владели навыками, привитыми им в семье в результате домашнего воспитания (знание языков, музыка или танцы, широкий кругозор), имели непрофессиональные увлечения и интересы. После революции у представителей таких дворянских семей были наибольшие шансы для успешной профессиональной интеграции, поскольку они располагали наибольшим количеством (3-4 разных типа) конвертируемых ресурсов. Они могли использовать формальное образование, ресурсы домашнего воспитания, другие самостоятельно приобретенные навыки. Широкий диапазон умений позволял им быстро осваивать различные профессии. Следовательно, аристократический (“праздный”) образ жизни показал большой потенциал приспособляемости к новым условиям. Другой группой, имевшей высокие шансы приспособиться при новом режиме, были некоторые “профессионалы” (врачи, учителя, ученые, инженеры, мелкие чиновники), имевшие невысокий доход и статус при старом режиме. Новый режим, как и старый, нуждался в подобных специалистах, следовательно, многим профессионалам была предоставлена возможность работать по специальности, большинство из них также легко находили новую работу в случае увольнения. Больше рисков после революции выпало титулованной аристократии и государственным служащим в армии и гражданской сфере, имевшим до революции высокие чины. Первым было труднее приспособиться из-за титулов и известных аристократических фамилий. Вторые в случае увольнения имели меньше возможностей удачного трудоустройства, так как при старом режиме они инвестировали все силы и время лишь в одну профессиональную сферу.

Существовали определенные профессиональные сферы и учреждения, которые были известны тем, что “бывшие люди” в них преобладали. Это в первую очередь ВУЗы (особенно Университет) и все учреждения Академии Наук, инженерно-проектные учреждения, театры, а также школы, музеи (особенно выделяются Эрмитаж, Кунсткамера, Зоологический музей, Ботанический сад). Таким образом, исследование профессиональных траекторий дворян показывает: в течение 1920 - 1930-х годов произошло перемещение части населения, обладавшей определенной “структурой капиталов” (Бурдьё) из сферы управления в профессиональные сферы, неизбежно связанные с воспроизводством и передачей традиции, знания и информации (сферы науки, культуры, образования,

искусства). Это было обусловлено соответствием профессиональных возможностей дворян с потребностями в функционировании данных сфер труда. При этом занятие этой ниши на советском рынке труда было связано с конвертацией непрофессиональных навыков.

В **третьей главе** – “*Свои и чужие: конструирование символических границ и реконфигурация дружеских кругов*” – показано, как *ситуация* дворянства в контексте советского города изменила внутренние и внешние границы сообществ, влияя на состав родственно-дружеских кругов и на способы общения в этих кругах. Глава состоит из шести параграфов.

Первый параграф “Символическое конструирование сообщества: теоретический подход” представляет собой теоретическое введение к третьей главе и раскрывает понятие *символических границ сообществ*. Э. Коэн (A.Cohen) в книге “Символическое конструирование сообществ” пишет, что каждое сообщество “отгораживается” от других с помощью разделяемых символов. Сообщество Коэн определяет как единицу социума, более непосредственную, чем абстрактное общество, и в то же время большую, чем семья. В диссертации под сообществом понимается круг людей, которых считают “своими”. Присутствие сообщества на социальной арене воплощается в его границах, которые актуализируются в процессе взаимодействия. При наличии структурно определенных пределов сообщества его границы создаются также символически. Роль символичности в конституировании границ возрастает, когда под влиянием внешних условий изменяется структурная позиция сообщества.

Во втором параграфе “Вне- и внутрисословные границы в 1910-е годы” рассматривается культурная стратификация дворянства в предреволюционный период, основные “зоны конфликта”, разделявшие его на различные сообщества. Основной зоной конфликта было *отношение к службе*, которое вытекало отчасти из имущественного статуса дворян, отчасти из их политических взглядов. Дворянское сообщество делилось на “чиновников” (служащих государству) и “дворянскую интеллигенцию” (служащих обществу). Третью группу составляла “титулованная аристократия” (служащая государю) и отличавшаяся от двух предыдущих групп также по сословному и имущественному положению и наличию связей в “верхах”.

Рассматриваются примеры трех сообществ, основанных на родственно-дружеских связях и знакомствах. Первый – сформировавшийся вокруг семьи морского адмирала, второй – вокруг семьи среднепоместных дворян, третий представляют круги столичной аристократии. На конкретных примерах из жизни и общения представителей этих групп дворянства показаны различия в формах общения этих групп.

В третьем параграфе “Статус в советском обществе и символические границы” прослеживается, по каким признакам выделяли “своих” и “чужих” в послереволюционный период.

В советском Ленинграде отчасти продолжали быть актуальными те же основания для стратификации дворянских сообществ, как и до революции, например, профессиональный и *социо-экономический статус*. Интегрированность в советское общество была одним из важных факторов для формирования дружеского круга. Это было связано, во-первых, с проблемой идентичности – для тех, кто чувствовал себя в советском обществе “за бортом”, дореволюционная сословная идентичность продолжала быть значимой, тогда как для профессионально интегрированных дворян становились важнее профессиональные идентичности. Во-вторых, профессиональная интегрированность была связана с местами и пространствами, где можно было завязать знакомства. Для профессионально интегрированных значимым местом расширения круга общения было место работы. Для неинтегрированных значительно большую роль играло соседство, а также церковь как место знакомства и общения.

Политические взгляды не играли значимой роли в размежевании сообществ. Как и до революции, в семьях и дружеских компаниях, где были “более красные” и “менее красные”, отношение к советской власти являлось различием скорее мировоззренческим. Значительно важнее были отношения *с режимом*, проявлявшиеся в тех или иных решениях, жизненных стратегиях. В ситуации политической дискриминации отношения с режимом приобретали значение *политического действия*. Если политические взгляды в целом не были достаточным основанием для размежевания сообществ, то предпринимаемые кем-либо попытки сделать карьеру по партийной линии выталкивали такого активиста за пределы семьи и старого круга.

В параграфе четвертом “Коммунистка-дворянка” рассматривается биография дворянки, скрывавшей происхождение и пытавшейся сделать партийную карьеру. Ее шаги в сфере профессии и в частной жизни были во многом противоположны тем, кто был ориентирован на работу в сферах, далеких от политики: отказ от старого круга общения, постоянные миграции, отсутствие домашнего воспитания у дочери.

Анализ биографии матери и дочери показывает: попытка сохранения старого круга знакомств, использование и передача детям всех возможных культурных ресурсов семей – такая стратегия оказалась в конечном итоге наиболее успешной с точки зрения адаптации к советскому обществу и даже возможностей восходящей социальной мобильности молодого поколения в этом обществе. Знание своих (ограниченных) возможностей, поддержка родственников и использование социального капитала семьи помогали в

достижении целей, а наличие круга общения, состоявшего из людей со схожей социализацией, придавали уверенности в себе. Противоположная ориентация родителей или самих детей – на партийную карьеру и полный отказ от своего прошлого, попытка перевоплощения и боязнь разоблачения – наоборот, не давали забыть о своем социальном происхождении.

В параграфе пятом “Изменение символических границ дворянских сообществ в 1920-1930-е годы” акцентируется внимание на дореволюционном наследии и традициях семей, имеющих у них материальных и культурных ресурсах и их роли в конструировании сообществ в послереволюционные годы. Здесь рассматривается жизнь тех же семей, которые были описаны в параграфе втором, прослеживается преемственность и изменение форм общения и состава кругов общения из 1910-х в 1930-е годы. На основе анализа представленных примеров следуют выводы об изменении символических границ дворянских сообществ:

В целом представления дворян о том, кто является “своим”, кто “чужим” изменилось. Если до революции помещики-земцы не считали бы социально близкими чиновников, то после революции в контексте советского города бывший помещик и бывший чиновник были социально близки - оба из дворян, или “из бывших”, оба могли пострадать при чистках, оба получили схожее воспитание, страдали от жизни в коммунальных квартирах. Стигматизация в равной степени всех “бывших” (представителей дореволюционных состоятельных и образованных слоев) и необходимость тесного сосуществования с рабочими, неграмотными мигрантами из деревень, выдвиженцами-комсомольцами и т.д. изменили границы внутри образованного слоя. Критерием “своего человека” стало понятие “из хорошей семьи”, включающее в себя такие черты, как получение домашнего воспитания и образования, умение себя держать, стремление к работе в интеллектуальных сферах, “интеллигентные интересы” и скептическое отношение к советской власти. Выходцы из дореволюционных образованных слоев называли себя “старой интеллигенцией”, противопоставляя себя как “не-интеллигенции”, так и “новой интеллигенции”.

В 1930-е годы дворянское происхождение не имело значения для выбора друзей и знакомых. Из желаемых качеств друзей, знакомых, супругов интервьюируемые и мемуаристы в первую очередь называют “интеллигентность”, понимая под этим знание определенных “кодов”, которые и служили пропуском в круги молодежи “из бывших”. В некоторых компаниях таким “кодом” могло быть знание литературы и литературных аллюзий, в других - умение танцевать классические танцы, во многих - понимание случайно брошенных кем-то французских и английских фраз, юмора. Следовательно, в

послереволюционные годы продолжился процесс, начатый до революции - процесс стирания границ внутри образованного класса.

Успешная интеграция в общество (профессиональная и социальная) способствовала исчезновению дворянской идентичности. Принадлежность к “дворянству” стала уделом только тех, кто по собственной воле или в силу обстоятельств был слабо интегрирован в новое общество. Сами слова дворянин/дворянка постепенно исчезали из обихода, заменяясь определением “старая интеллигенция”.

Параграф шестой “*Дом как частно-публичное пространство*” акцентирует важность дома и в целом частной сферы как наименее контролируемой государством, для существования инакомыслящих социальных сред в закрытом обществе, для возможности поддержания границ. Сравнение сообществ дворян и диссидентов (1970-е – 1980-е) показывает: характерная черта повседневной жизни таких сред – это особая роль *дома*, который выполняет роль публичного пространства. Для дворян частные квартиры, а иногда и комнаты в коммунальных квартирах выполняли роль “залов” (где устраивались балы), “театральных сцен” (где игрались домашние спектакли и шарады), “игорных домов”, “учебных классов” (где учили детей) и так далее. Для диссидентов их квартиры были пространством для проведения домашних семинаров и выставок, устройства подпольных типографий, штаб-квартир, библиотек самиздата, центров помощи политзаключенным.

Частная сфера была единственно возможным пространством для проявления оппозиционных взглядов и действий. В обществах, где открытый протест невозможен, “молчаливый протест”, а именно инакомыслие и инакодействие в частной жизни, становится едва ли не единственной возможностью проявления политической оппозиции. Именно поэтому всё личное, интимное в таких средах значимо для всего сообщества. В 1920-е – 1930-е годы цена риска за любые протестные действия была слишком велика. Сохранение дореволюционных устоев, соблюдение ритуалов вопреки господствующей идеологии и было для дворян единственно возможным проявлением оппозиции режиму.

В **заключении** диссертации излагаются основные выводы работы. Особенность исследовательского подхода состоит в том, что дворянство как элемент социальной структуры и до-, и послереволюционного общества определяется через способы социального взаимодействия. В центре внимания работы оказываются правила социального взаимодействия, вознаграждения, получаемые за соблюдение этих правил и культурное обрамление этого “спектакля”. Такой подход к исследованию дал возможность исследовать тот “неразменный запас” нематериальных ресурсов, который давала принадлежность к дворянскому сословию, показать потенциал выживания наследственной элиты в обществе, где полностью изменился символический порядок.

Во второй половине XIX века экономические реформы способствовали тому, что часть дворянства обеднела и фактически перешла в другие страты общества. Приспособившаяся к новой экономической ситуации часть дворянства продолжала быть в дореволюционном российском обществе фигурой, значимой для функционирования политической, экономической и культурной жизни. Общение в дворянских кругах было построено так, что статус каждого дворянина в своем сообществе предполагал наличие формальных и неформальных обязанностей по отношению к другим участникам социальных игр во всех ситуациях взаимодействия. Существовало множество социальных контекстов, в которых человек должен был проявлять себя как дворянин. Наличие статусных символов, конституирующих сообщества, следование формальным и неформальным правилам были не декоративными, а функциональными. Они обеспечивали доступ к учебным заведениям, должностям, информации. Функционирование этого механизма способствовало защите старой элиты от экономических катастроф и, на макро-уровне, способствовало сохранению сильной позиции дворянства в сфере государственного управления. Исследование форм общения дворянства в 1910-е годы, предпринятое в третьей главе диссертации, показало: чем выше был статус дворянского рода в своем сообществе, тем более значимой была светская жизнь для реализации различных планов и проектов.

Разрушение социальных институтов старого общества после 1917 года лишило представителей дореволюционной элиты возможностей воспроизводства социального статуса прежними способами. Изменение социального контекста способствовало тому, что произошла *дефигурация* дворянства – к концу 1930-х – началу 1940-х годов оно прекратило свое существование, исчезло и с политической, и с социальной арены. В диссертационном исследовании описаны (соответственно, в главах второй и третьей) два процесса преобразования навыков и идентичности дворян, способствовавших исчезновению дворянства как коллективного субъекта – вынужденная *конвертация* профессиональных навыков и *изменение символических границ*, т.е. изменение критериев принадлежности к “своим” и “чужим”. Процесс конвертации навыков, происходивший на фоне политической дискриминации, преодоления барьеров в социальной мобильности, привел к “профессионализации” (превращению в специалистов, профессионалов) одной части дворянства и “деклассированию” (нисходящей социальной мобильности) другой части. Значимыми в этом процессе были такие факторы, как: наличие образования, наличие полезных связей, возраст, пол, фамилия, отношение к советскому режиму, жилищная ситуация. Переплетение этих факторов и составляло предпосылки для более или менее успешного превращения бывшего дворянина в советского специалиста. Изменению

символических границ способствовал внешний контекст политической дискриминации и стигматизации, уравнивавший в бесправии различные группы дворянства, и жилищная ситуация, способствовавшая консолидации представителей дореволюционного образованного слоя против представителей более социально далеких групп. Результатом действия этих двух процессов явилось то, что профессионально и социально адаптировавшиеся дворяне приобрели статус полноправных советских специалистов, в основном, работников непромышленной сферы. Они обладали идентичностью “старой интеллигенции”, что проявлялось в общении в кругу “своих” – родственников и знакомых.

Хотя на микро-уровне, в повседневной жизни, независимо от политической дискриминации, воспроизводились некоторые элементы дворянских дореволюционных ритуалов и быта, эти ритуалы стали лишь данью традиции и в значительной мере лишились своей функциональной стороны. Так, цепочка “домашнее воспитание – признание в свете – доступ к социальным позициям”, которая успешно функционировала в 1910-е годы, была разрушена, поскольку исчезло понятие *светского общества* как специфического медиатора между дворянской семьей и публичной сферой. Для достижения успеха в советском обществе домашнее воспитание “дореволюционного качества” не было единственным необходимым ресурсом. В результате те немногие элементы дореволюционной повседневной жизни дворянства, которые воспроизводились в некоторых семьях и в 1920-е – 1930-е годы и позже, приобрели иной символический статус. Они воспринимались как присущие интеллигентным, культурным, широко образованным людям, в отличие от людей, которые просто имели высшее образование. В итоге имело место разрушение прежней групповой идентичности субкультурных дворянских сообществ и возникновение социальной среды старой интеллигенции.

Основные результаты диссертационной работы нашли отражение в следующих **публикациях автора**:

1. Открытый дом и его хозяйка // Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной конференции. СПб: Центр Гендерных Проблем, 1996. С. 287-294.
2. The Role of Women Dissidents in Creating the Milieu. // Women's Voices in Russia Today. Ed. by A. Rotkirch and E. Haavio-Mannila. Dartmouth Publishing Company, 1996. Pp. 189-206.
3. Реконфигурация социальных практик: семья поместных дворян в до- и послереволюционной России (1870-е – 1930-е) // Социологические исследования. 2000. №1. С. 81-92.

4. Ленинград и ленинградцы 1930-х годов в интервью // На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х годов / Под. ред. М.Витухновской. СПб: Журнал “Нева”, 2000. С. 3-17 (в соавторстве).
5. Дворяне на советском рынке труда: Ленинград, 1917-1941 // Нормы, ценности и перелом в советском обществе и культуре в 1920-е – 1950-е годы. СПб, 2000 (в печати)
6. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду. Изменение социально-пространственной структуры города в 1920-е – 1930-е годы. // Нормы, ценности и перелом в советском обществе и культуре в 1920-е – 1950-е годы. СПб, 2000 (в печати, в соавторстве)